

Камалов А.К.

Университет «Туран», Алматы, Казахстан

E-mail: abletk@mail.ru

УЙГУРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ҚОШАҚ ОБ УЧАСТИИ УЙГУРОВ СЕМИРЕЧЬЯ В ВОССТАНИИ 1916 ГОДА

Аннотация. Данная статья направлена на исследование уйгурских народных песен жанра «Қошақ», отражающих участие уйгуров из Семиречья в восстании 1916 года, с целью выявления их роли в формировании исторической памяти и национальной идентичности. В рамках исследования проводится сбор и анализ текстов уйгурских народных песен, связанных с событиями восстания 1916 года. Особое внимание уделяется интерпретации этих песен, выявлению основных мотивов и образов, а также анализу их роли в культурно-историческом контексте. Данное исследование вносит новый вклад в изучение уйгурской культуры и истории, обращаясь к малоизученному аспекту использования народных песен в контексте восстания 1916 года и их значения для формирования коллективной памяти уйгурского народа. Исследование основано на методах анализа текстов народных песен с использованием методов этнографии, литературоведения и исторической аналитики. Также применяется контекстуальный подход к интерпретации текстов, учитывая социокультурные и исторические особенности периода. Результаты исследования позволяют выявить основные темы и мотивы уйгурских народных песен «Қошақ», связанных с участием уйгуров Семиречья в восстании 1916 года, а также оценить их влияние на формирование коллективной исторической памяти и национальной идентичности уйгурского народа.

Ключевые слова: песни, Қошақ, Семиречье, восстание 1916 года, уйгуры.

Введение

Уйгурские народные песни, как важная составляющая культурного наследия уйгурского народа, играют значительную роль в передаче исторических событий, обычаев и традиций из поколения в поколение. Одним из ключевых исторических событий, отраженных в уйгурских народных песнях, является восстание 1916 года, которое оказало значительное влияние на судьбу уйгурского народа в Семиречье.

Восстание 1916 года, также известное как "Басмачество", было массовым движением народов Центральной Азии против колониального господства Российской империи и китайского правительства. Уйгуры из Семиречья активно участвовали в этом восстании, выступая за свою независимость и защиту своих прав и интересов.

На протяжении веков уйгурская культура развивалась в условиях многонационального сосуществования, что нашло свое отражение в народных песнях. Жанр "Қошақ" представляет собой особую форму народной поэзии, которая часто используется для передачи исторических событий и героических подвигов.

Цель настоящего исследования заключается в анализе уйгурских народных песен жанра "Қошақ", посвященных участию уйгуров из Семиречья в восстании 1916 года. Мы стремимся выявить основные мотивы, образы и эмоциональные состояния, отраженные в этих песнях, а также оценить их роль в формировании коллективной исторической памяти и национальной идентичности уйгурского народа.

Материалы и методы исследования

Сбор материала: Начальным этапом исследования является сбор уйгурских народных песен жанра "Қошақ", связанных с участием уйгуров из Семиречья в восстании 1916 года. Материал может быть собран из различных источников, таких как архивы, сборники народной поэзии, записи фольклористов и интервью с представителями уйгурского народа.

Анализ текстов: Проводится анализ текстов уйгурских народных песен с целью выявления основных мотивов, образов, эмоциональных состояний, а также ритмических и стилистических особенностей. Важно учитывать контекст и историческую обстановку, в которой были созданы эти песни.

Интерпретация: После анализа текстов народных песен проводится их интерпретация с учетом исторических событий, социокультурного контекста и традиций уйгурского народа. Исследователи стремятся понять, каким образом восстание 1916 года воспринималось и отражалось в уйгурской народной поэзии.

Сравнительный анализ: Проводится сравнительный анализ уйгурских народных песен о восстании 1916 года с другими источниками исследования данного исторического события, такими как исторические документы, мемуары и литературные произведения. Это позволяет оценить уникальность и важность народных песен в передаче исторической памяти.

Контекстуальный анализ: Учитывается контекст, в котором были созданы уйгурские народные песни о восстании 1916 года, включая политические, социальные и культурные аспекты. Это помогает понять их значение для уйгурского народа и их роль в формировании национальной идентичности.

Выводы: На основе проведенного анализа формулируются выводы о роли уйгурских народных песен жанра "Қошақ" в отражении участия уйгуров из Семиречья в восстании 1916 года, их значении для формирования коллективной памяти и идентичности уйгурского народа.

Обсуждение

Тема уйгурских народных песен жанра "Қошақ" об участии уйгуров Семиречья в восстании 1916 года изучена в определенной степени, но может быть рассмотрена более подробно и глубоко. Некоторые исследования фокусируются на этом аспекте уйгурской культуры и истории, но не всегда предоставляют полную картину. Имеющиеся исследования включают в себя анализ текстов уйгурских народных песен, их интерпретацию и попытки понять их роль в историческом контексте восстания 1916 года. Однако, необходимо учитывать, что многие из этих песен могут иметь неоднозначную интерпретацию, и некоторые аспекты их значимости могут требовать дополнительного анализа. Дополнительные исследования могли бы включать в себя более глубокий анализ контекста создания этих песен, их роли в мобилизации и поддержке уйгурского населения в период восстания, а также влияние на формирование исторической памяти и национальной идентичности уйгурского народа. Также возможно проведение сравнительного анализа с другими источниками и материалами о восстании 1916 года для более глубокого понимания контекста и значения этих песен.

Результаты исследования

Участие в восстании 1916 года является одним из важных событий в истории уйгуров Семиречья, которое учеными изучается в основном на основе русских архивных материалов [7; 8; 9]. Наряду с архивными материалами ценным источником информации о событиях того времени являются уйгурские народные песни *қошақ*, повествующие о мобилизации рабочих на тыловые работы (*лашманлиқ*). До сих пор эти песни рассматривались и анализировались в основном как фольклорные произведения. В данной статье предлагается

взгляд на песни *қошақ* с точки зрения историка.

Песни *қошақ* представляют особый жанр народного творчества, в которых отразились важные события в жизни общества [1, с. 3]. Одним их драматических событий, о котором были составлены песни, стало восстание 1916 года, а точнее мобилизация мужского населения на тыловые работы, произведенная царскими властями после подавления этого восстания. Песни о 1916 годе собраны казахстанскими учеными и опубликованы во многих сборниках по устному народному творчеству уйгуров. Одно из ранних собраний песен было включено в сборник материалов конференции по истории и культуре уйгуров, состоявшейся в Алма-Ате в марте 1937 г. Этот сборник увидел свет только в 1989 г., во время перестройки. [4] Книга «Уйгурские народные песни» А. Алахунова (1977) не содержит ни одной песни о *лашманлиқ*, однако в изданной в 1979 г. хрестоматии по уйгурской литературе для 9 класса уйгурских школ П.Сабитова, А.Рузиев и Р.Халиков опубликовали небольшой раздел под названием «народные песни 1916 года» [2, с. 296-301]. Наконец, в «Антологии уйгурского фольклора» (1988 г.) даны образцы народных песен под названием «Лашман қошақлири» (песни о мобилизации) [3, с. 28-34]. Песни о событиях 1916 г. в указанных изданиях дополняют друг друга, а иногда повторяются в отдельных частях.

Песни *қошақ* о событиях 1916 г. сконцентрированы на мобилизации рабочих на тыловые работы, которая называется русским словом «рабочи» или уйгурским «*лашман/лашманлиқ*» (мобилизация рабочих). Они описывают отправку рабочих на тыловые работы как трагедию, затронувшую многих людей. В песнях мы не находим упоминаний о сопротивлении указу, однако отрицательное отношение к нему выражено повсеместно. Указ о мобилизации положил начало новому времени, которое перевернуло существующий порядок в обществе (*қозғилип кәтти жаһан*), буквально «сожгло» людей (*бизни көйдүргән заман*) и превратило людей в «слуг». Последнее выражено в словах «в шестнадцатом году мы все стали слугами» (*он алтинчи йилида/малай болдуқ һәммииз*) [4, с. 71; 3, с.32]. Отношение к эпохе перекликается с образом царя Николая, который рисуется как очень жестокий человек, деспот с черными намерениями (*бу пәрманни чиқарған Николай; Николай залим бағри таи; дили қара Николай йаш балларни алмақта*). Весь акт мобилизации воспринимается в песнях как деяние царя, которое нанесло глубокую душевную рану людям (*бу падишаниң қилиги орнап кәтти жүрәккә*) [2, с. 296].

Сохранившиеся песни были составлены жителями лишь двух уйгурских поселений Семиречья – города Яркенд (ныне: Жаркент) и села Аксу, хотя в них упоминаются названия многих других сел, таких как Ават, Галжат, Долата, Осман-йузи, Киргиз-сай, Кетмень, но выраженные в них мысли и настроение относятся ко всему уйгурскому обществу Семиречья. Хотя песни считаются народными, авторство некоторых из них либо зафиксировано либо в самих песнях, либо установлено исследователями. Так, имя автора Олата есть в самих песнях (*аңлаңлар халайиқлар, Олата ейтқан бейитни*) [4, с. 57]. Другими авторами песен являются Хесамдун из Яркенда, Аманбаки из Аксу. Повествование в песнях ведется как от имени мобилизованных, которые покинули свои дома и направились в европейскую часть России на работу, так и от имени их родных и близких.

Все имеющиеся песни можно тематически и хронологически разделить на следующие циклы: 1) песни о расстреле уйгуров на перевале Кайка, 2) песни о мобилизации, рассказанные от имени призывников 3) песни от имени горюющих родителей рабочих, 4) песни о работе в угольных шахтах и вагонных путях. Тем самым, цикл народных песен о 1916 годе предваряются песней о погибших на перевале Кайка и завершаются песней из угольных шахт Юзовки (современный Донецк).

Хроника событий 1916 года, согласно текстам песен, начинается с издания царского указа. «Николай дал приказ мобилизовать на работы тысячу человек» (*буйруқ бәргән Николай/миң лашманчи алсун дәп*) [4, с. 63; 3, с. 30]. Этот приказ был дан уездному

начальнику, который называется в песнях «уяз» или «ояз» (от русского «уезд»). Уездный начальник (ояз), в свою очередь, дал приказ реквизировать каждого третьего мужчину (*ояздин буйруқ кәлди./ үчтин бирини ал дәп*) [2, с. 298]. Непосредственным исполнителем приказа были волостные управители (уйг. *болус*). Когда говорится о мобилизации одной тысячи рабочих, несомненно, речь идет об уйгурах, в целом же по Туркестану это цифра было неизмеримо больше (первоначально: 250 тыс. человек). О том, какой была разрядка для конкретных сел, можно судить из песни, составленной жителем села Аксу: в ней сообщается, что старшина села вызвался выделить сорок джигитов (*қириқ йигит берәй дәп/ қой қолған әллик беши*) [4, с. 68], далее говорится о 65 джигитах, выбранных из общего число в 600 человек (*алтә йүз әллик балини/бир бирдин санап қойди... Атмиш бәш балини / алдигу илғап туруп*) [4, с. 69].

Указ о мобилизации вызвал негодование и печаль у населения, в основном бедняков, на плечи которых легло его исполнение. Они пытались противиться исполнению указа, желая избежать призыва на тыловые работы, даже ссылаясь, что они не рабы (*кәмбәгәлләр жиғлайду/ болусларға бармай дәп; УӘ, с.298*); *рабочига бармаймиз/ немә шунчә қийнайсан?* [4, с. 61]; *лашманлиққа бармаймиз/сетип алған қулуң йоқ* [3, с. 298].

В песнях практически не описываются события, связанные с вооруженными столкновениями во время восстания. Однако песня о погибших на перевале Кайка свидетельствует о том, что мобилизация рабочих не прошла безмятежно. Речитативом в этой песне выступает мысль о *шахидах*, проливших кровь и погребенных на месте сражения. Само слово «шахид», употреблявшийся в отношении мусульман, погибших в сражениях против неверных, показывает, что уйгуры-таранчи рассматривали сражение с русскими как священную войну «газават». При этом память о недавней священной войне с китайцами в Илийском крае была еще свежа: достаточно вспомнить поэтическое произведение Билала Назыма «Газат дар мулки Чин» (Священная война против китайцев). Соберем все упоминания шахидов в песне о погибших на перевале Кайка:

Гуляя вдоль речки, Нашел плетку для лошади. О погибшей молодежи как <i>шахиды</i> Я песню сложил .	Өстәң яқилад менип Ат қамча тепивалдим. <i>Шеһит</i> өлгән балиларни Қошаққа қетивалдим. * * *
Горы перевала Кайка, Пролита их кровь. Когда вонзали в них штыки, Должно быть души кричали.	Қайқа даван тағлири, Төкүлганду қанлири. Тутуп нәйзә салғанда Шеқириғанду жанлири. * * *
Мужчины стали <i>шахидами</i> , Дети остались сиротами.	<i>Шеһит</i> болған әрлири, Йетим қалди баллири. * * *
Враги появились, Перейдя перевал Кайка. Джигиты, ставшие <i>шахидами</i> , Остались, утопая в крови.	Душманлар чиқип кәлди Қайқи үстидин өтүп. <i>Шеһит</i> болған йигитләр Қалди қан билән петип. * * *
Копая могилу, Сломался кетмень. Шахиды Кайки Погибли молодыми.	Йәликни колаветип, Кәтмән қайрилип кәтти, Қайқиниң <i>шеһитлири</i> , Яш туруп өлүп кәтти. * * *

Ставшие шахидами джигиты
Должно быть, лежат в крови.

Shehit болған йигитләр
Қанға бойулуп йатқанду.

Посвящение песни «шахидам», погибшим от штыков русских, означало, что впервые со времени принятия российского подданства уйгуры поставили русских в один ряд с неверными китайцами. Появление исламского дискурса в песнях подтверждается сведениями архивных документов, в одном из которых рассказывается о том, что российские власти привлекли к ответственности жителя с. Корама, который заявлял, что мусульмане не пойдут на войну, а будут воевать с русскими.

Отдавшие жизнь в войне с неверными являются не абстрактными, а конкретными лицами с именами и даже небольшими характеристиками: Тохнияз-батур, который погиб, защищая интересы масс; совсем молодой Мусабай (*кичиккинэ Мусабай*); мужчина постарше по имени Тохсан-ака, который оставил вдовой жену тетушку Гүлшәм; Жарулла с глазами джейрана, который спустился с верхнего селения на своем саврасом коне. Память о расстрелянных сохраняется и в других песнях о мобилизации. В одной из них говорится «когда уходили в рабочие, много людей было расстреляно» (*лашманлиққа маңғанда/ көп адам етилип кәткән*) [2, с. 300].

В уйгурских песнях о мобилизации 1916 года четко обозначен социальный конфликт между имущими и бедняками. Можно было предположить, что акцентирование внимания на социальных противоречиях в уйгурском обществе, обличение реакционных богатых и их союзников - мусульманских религиозных деятелей, является результатом идеологии советского времени, когда впервые стали зафиксироваться тексты песен. Иными словами, песни, записанные в советское время, были «подогнаны» под теорию классово-войсковой борьбы. Однако русские архивные документы показывают, что конфликт этот действительно существовал: простые люди были недовольны тем, как составлялись списки рабочих и требовали справедливости. Песни рассказывают, что в рабочие записывали только детей бедняков, а баи откупали своих детей от мобилизации.

Остались дети баев,
Дав деньги начальникам волостей.
Дети бедняков ушли,
Одетые в рваные чапаны.

Байниң балилири қалди,
Болусларға пул берип.
Гадай баллири кәтти,
Житилған чапан йеппи.
* * *

Богачи не беспокоятся,
Все они лежат дома.
Забрали своих детей
Некоторые, заплатив беку.

Байлар ғәм-қайғу қилмас,
Барчиси өйдә йетип.
Қайтуруп алди балиларни
Бәзиси бәгдин сетип [2, с. 301].

Имевшие доступ к составлению списков волостные, аксакалы, старшины (*йүз беши, аллик беши*) наживались, требуя деньги от людей за то, чтобы исключить их из списков рабочих. Их образы в песнях исключительно негативны, а некоторые из них имеют прозвища с отрицательным смыслом, например, «һажи тонғуз» (хаджи-кабан), «һажи қалмақ» (хаджи-калмак).

Когда забирали на работу,
В Яркенде шел снег.
Волостной Кейимбег-хаджи
Продал нас за деньги.

Лашманлиққа маңғанда,
Яркәнтләргә қар яққан.
Қейимбәг хажи болус
Бизни азчиға сатқан [2, с. 299]
* * *

Все проделки совершает
Ведь сам волостной.
Пусть на том свете
Бог воздаст ему за это.

Һәммини қилип жургән
Һажи болус эмәсму.
У дунйада худайим
Жажисини бармасму [2, с. 301]

Когда пожаловался пятисотнику,
Он не внял моим словам.
В таких тяжких условиях
Ребята не вернутся здоровыми.

Йуз бешиға жиғлисам,
Сөзгә қулақ салмайду.
Мундақ еғирчиликта
Балилар аман янмайду [2, с. 301]

Ребят Яркенда
Продад хаджи кабан.
Взяв себе деньги,
Отрастил свой живот.

Яркәнтниң балилирини
Һажи тоңғуз сетивәтти
Пулини өзи елип
Қосағини йоғатти [4, с.58]

Когда упрашивал аксакала,
Он “подумаем” – говорит.
“Спросим у волостного
Хаджи-калмака” – говорит.

Ақсақалға йалвурсам,
“Ойлап бақайли”, - дәйду.
“Һажи қалмақ болустин
Сорап бақайли”, - дәйду.

Когда просил аксакала,
Говорит: “Если есть деньги дай”
“Если денег нет у тебя,
на работу отправляйся” говорит.

Ақсақалға йалвурсам,
“Ахчаң болса - бәр”, - дәйду.
“Пулуң болмиса сениң,
Лашманлиққа бар”, - дәйду.

Аксакала много ругал,
Он много угнетал.

Ақсақални көп тиллидим,
Бизгә қилди көп зорлуқ.

Тясячник Халим-волостной
Продадся за деньги.

Халим болус миң беши
Ахчиға сетилип кәткән.

Продажными оказались не только чиновники и сельские старейшины, но и члены медицинских комиссий, которые делали заключение о годности призывников к физической работе. С горечью и возмущением авторы песен рассказывают, что доктора признавали негодными сыновей баев, в то время, как бедняков признавали годными для работы, даже если они имели явные болезни:

Комиссия и доктора
Выявляют болезни.
«Пусть бы ты был больным», -
Плачут родители.

Комиссия, дохтурлар
Ағриқ-сақни илгәйду.
«Ағриқ болуп қалсаң», - дәп,
Ата-ана жиғлайду. [2, с. 299]

Комиссия и доктора
Осматривают молодых ребят.
«Иди вперед», - говоря,
Побивают бедняков.

Комиссия, дохтурлар
Яш балиларни көриду.
«Маң алидға сән өт!», - дәп,
Кәмбәғәлни уриду. [2, с. 298]

В другой песне с сарказмом говорится: «бедные годны (к работе), даже если они плешивые и слепые, а толстых детей баев не берут, говоря «он – больной» (*таз болсиму, кор болсиму/кәмбәғәлләр йәрләйду/семиз байниң баллирини/сән кесәл дәп алмайду*). [4, с. 69]

Мобилизация оказалась уделом бедных слоев населения, которые не могли откупиться, что создает представление о том, что они были просто-напросто «проданы» за деньги российским властям. По описанию авторов песен, угнетатели продали бедняков в рабочие царю Николаю (*Николайга рабочига /сатти бизни залимлар*) [4, с. 61] или продали как скотов (*лашманлиққа кәткәнләр /мал орнида сетилди*) [2, с. 298]. В одной из песен говорится, что рабочие были проданы за пятьсот рублей, однако это, скорее всего,

приближенная и символическая сумма, в общем отражающая денежные отношения, возникшие при отборе людей на тыловые работы:

Открылась германская дорога,	Герман йоли ечилди,
Подрядились извозчики.	Извочиклар қетилди.
Те, кто ушел в рабочие,	Рабочиға кәткәнләр,
Были проданы за пятьсот рублей.	Бәш йүз сомға сетилди. [4, с. 56]

Согласно императорскому указу, возраст мобилизуемых определялся с 19 до 43 лет, но в ходе восстания он был снижен до 31 лет. На деле отбирали совсем молодых людей. В песнях дважды упоминается 22-летний возраст призывников (*рабочиға маңғанда/йигирмә икки йаш едуқ*) [4, с.61]; *жигирмә икки йешилда/ ақ пайтигим тутумда/ биз рабочиға маңғанда*). Последние сравниваются с еще нераспустившимися бутонами роз (*рабочиға кәткән балилар/қизил гүлнің гунчиси*) [4, с. 57], называются «приятными джигитами» (*хойма зилва жишитләр*) (4, с. 60]. Многие из них оставили жен и детей, о которых некому было позаботиться. После мобилизации уйгурские села опустели в прямом и переносном смысле (*хотунлар тола жиглап, яғлиқ учи һөл болди; яш балилар ишқа кетип, мәлә ичи чөл болди*) [4, с. 56].

Отобранных для фронтовых работ молодых мужчин провожали как на войну - было ясно, что многие из них не вернуться домой (*қайтип кәлмаймиз дейишип/ әзиз жандин гәм йегән*) [4, с. 63]. Муллы совершили мусульманский обряд прочтения погребальной молитвы лицом к Мекке (*қилва/қыбла*) – это делалось перед отправкой людей на верную смерть. Однако простые люди молились, чтобы их дети вернулись целыми (*көп адам дуга қилди/ аман-есән янсун дәп* [3, с. 30]. Присутствовавшие уездные начальники (*оязлар*) следили за тем, чтобы не произошло беспорядков:

Когда отправлялись в рабочие,	Рабочиға йезип алди,
Собрав тысячу ребят.	Миң балини яритип.
Читали погребальную молитву,	Намизимизни чүшәргән,
Повернув их лицом к Мекке.	Қилви якқа қаритип. [4, с. 63]

* * *

Мы прошли через Коран,	Куран астидин өттуқ,
Читали муллы.	Моллилар окуп турди.
Чтобы не было беспорядков,	Жедел чикмисун дейишип,
Следили уездные.	Оязлар қарап турди. [4, с. 63]

Группы рабочих-лашманов отправлялись из Джаркента и Аксу в европейскую часть России через Чарын, Алма-Ату и Пишпек (ныне Бишкек). Слова песни о том, что в Пишпеке работали в «угольных шахтах» (*Биз Пиштеккә барғанда/шилидуқ комүр хаңда* [4, с. 66] следует рассматривать как возникшее при устном распространении песен замену названия какой-то российской местности на известное простым людям слово «Пишпек». Из сравнения разных публикаций песен очевидно, что замена слов, а иногда целых выражений была свойственна традиции устного народного творчества. Это относится и к сообщению о том, что уйгуры Алма-Аты (в другом издании: «население Алма-Аты») помогали рабочим с едой, где первоначальное слово «хәлқи» скорее всего было позже заменено словом «уйғурлири», что было логично для той ситуации:

Нам уйгуры Алматы	Алмута уйғурлири бизгә
Давали угощения.	Чажан килди йолларда.
Были рады мы за это,	Хошал болдуқ улардин,
Говорил им «спасибо».	Рәхмәт ейттуқ уларға

Любопытно употребление здесь китайского слова «чажан» (хлеб-соль, угощение, банкет) [5, с. 380]. Здесь речь идет только о снабжении призывников на фронтовые работы продуктами питания.

Дорога была тяжелой для бедняцкой молодежи, у которой не было теплой одежды (*соғларда елип барди/кәмбәгәлни қахиитип* [2, с. 300]; *Яркендтин чиқип кәттүк/ Алмүтига берип йәттүк/ қишиниң күни соғларда/ азапни тола тарттүк*) [4, с. 62]. Трудности включали и трехмесячное пребывание в Пензе, где власти не знали, куда направить рабочих (*қаян беришни билмәй/Пензида үч ай турдүк/жандарма полициядин тугимәс азап көрдүк*, [4, с. 67]). Из воспоминаний Мустафы Чокая нам известно, что мобилизованные рабочие из Туркестана еще до начала Февральской революции 1917 г. застревали на железнодорожных перегонах в Пензе, Сызрани, Самаре и других городах, а власти не знали, что с ними делать, но и вернуть их обратно домой не решались. [6, с. 93] При этом в этих городах с рабочими обращались очень плохо. Впрочем, полицейские Семиречья также жестоко обращались с призывниками на работы как с преступниками, погоняя их плеткой:

Когда обнимались, прощаясь,	Қучақлишип көрүшкәндә,
Надзирали уездные.	Оязлар қарап турған.
«Иди садись на арбу», - говоря,	«Маң һарвуға чүшкин», – дәп,
Погоняли плетками.	Қамчилап уруп турған. [4, с. 63]

Из песен видно, что рабочих собирались направить на прифронтовые районы «рыть окопы» (*бизни Николай алганда/акоп қолайсән дегән*) [3, с. 30]. Однако уйгурских *лашманов* направили в Юзовку, где они работали в угольных шахтах и на вагонных путях. Группу рабочих из Яркенда возглавлял мужчина по имени Хесамдун. От его имени описывается каторжная работа, за которую рабочим платили гроши (*айлигимга бәш тәңгә*), кормили только черными сухарями (*қара сухар нан*), а люди замерзали из-за отсутствия теплой одежды (*кийим кечак йокидин, бир мунчилар тонлидук*). Вот как описываются условия работы в шахтах Юзовки:

Прибыв в Юзовку,	Юзовкиға барғанда,
Мы работали в угольной шахте.	Ишлидук көмүр ханда.
Работая днем и ночью,	Кечә-күндүз ишләпму,
Мы не наедались хлеба.	Зади тоймидук нанға. [2, с. 34]
	* * *

Внизу в шахте темно,	Хаңниң асти қаранғу,
Мы не знали, как идти.	Маңалмидук йол тепип.
Руки опухли,	Қоллар қапирип кәтти,
Принимая камни за уголь.	Көмүр дәп ташни тешип.
	* * *

Переноса носилками уголь,	Зәмбилдә көмүр тошуп,
Руки наши опухли.	Қоллар қапирип кәтти.
От угольной пыли	Көмүрниц күли билән
Сердце покрылось пятнами.	Йүрәк датлишип кәтти. [4, с. 65]
	* * *

Работаем мы по ночам,	Кечиләрдә ишләймиз,
Вывозя уголь из шахт.	Хаңларда көмүр ташқа.
Погоняя, бьют нас	Чапсан бол дәп уруду,
По голове плеткой	Қамчиси билән башқа. [2, с. 34]

В песне о Юзовке говорится о смерти многих молодых людей в шахтах (*лашманлиққа кәткәләр/ ятқан йери сайдадур; қизилгүлдәк жигитләр/ хаңларда өлүп кәткән*), а ее автор Хесамдун упоминает о своем друге Тудахуне, который умер в шахте (*Тудахун женим достум/ хаң үстидә жан бәргән*).

Песня о Юзовке составляет последнюю часть в цикле песен *қошақ* о событиях 1916 года. Остается неизвестной судьба уйгурских рабочих, мобилизованных по царскому указу. Произошедшие вскоре политические события – две русские революции, установление

советской власти в Семиречье, гражданская война, массовый расстрел таранчей большевиками – оттенили события 1916 года. Только спустя двадцать лет большевики начали фиксировать тексты уйгурских народных песен *қошақ* о мобилизации рабочих на тыловые работы и осмысливать значение событий 1916 г. в истории уйгуров Семиречья.

Анализ народных песен *қошақ* о событиях 1916 г. показывает, что они содержат вполне достоверные и аутентичные сведения, которые находят подтверждение в русских архивных документах и дополняют их отдельными деталями. Однако, в отличие от архивных материалов, в центре сохранившихся песен находится не само восстание или сопротивление уйгуров выполнению царского указа о мобилизации рабочих на тыловые работы, а сама мобилизация и тяжелые условия работы в шахтах и на вагонных путях в европейской части Российской империи. В них исторические события повествуются не с точки зрения российских властей, как в архивных документах, а с точки зрения самих уйгуров. При этом в песнях *қошақ*, конечно, мы имеем дело с «эмоциональной» информацией: в отличие от сухих архивных документов, в песнях передается отношение людей к тем или иным явлениям и событиям, передается их настроение - чувства возмущения, боли, сожаления, сострадания, любви. Без этой информации наши представления о значении восстания 1916 года в жизни уйгуров Семиречья были бы неполными.

Литература:

1. Әлахунов 1977 - Уйғур хәлиқ қошақлири. Топлиғучи А. Әлахунов. Алмута: Қазақстан ССР «Наука» нәшрияти, 1977. – 184 с.
2. Уйғур әдәбияти. Хрестоматия. 9 синип. Түзгүчиләр П.Сабитова, А. Рузиев, Р. Халиқов. Алмута: Мектеп, 1979.
3. Уйғур фольклориниң антологияси. Алмута: «Наука» КазССР, 1988.
4. Яңливаштин туғулған уйғур хәлиқи. Алмута: «Қазақстан», 1989.
5. Уйгурско-русский словарь. Под ред. Э.Наджиба. М: Советская энциклопедия, 1968.
6. Котюкова Т.В. Восстание 1916 года: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сборник документов и материалов. Москва: Марджани, 2016. – С. 24-105.
7. Кабиров М. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1975.
8. Рузиев М. Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата: Казахстан, 1976.
9. Brophy D. Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Cambridge MA – London: Harvard University Press, 2016.

References:

1. Əlahunov 1977 - Ujğur həlik qoshakliri [Uyghur Halik spoons]. Topliğuchi A. Əlahunov. Almuta: Қазақстан ССР «Наука» нәшрияти, 1977. – 184 s. [in Uigur]
2. Ujğur әдәбияти. Hrestomatiya. 9 sinip [Uighur literature. Chrestomathy. 9th grade]. Tüzgüchilär P.Sabitova, A. Ruziev, R. Halikov. Almuta: Mektep, 1979. [in Uigur]
3. Ujğur folkloriniң antologiyasi [Uigur folklor anthology]. Almuta: «Наука» KazССР, 1988. [in Uigur]
4. Yanlivashtin tugulgan uigur halky [Uighur people born in Yanlivash]. Almuta: «Kazakstan», 1989. [in Uigur]
5. Ujgursko-russkij slovar' [Uyghur-Russian dictionary.]. Pod red. E.Nadzhipa. M: Sovetskaya enciklopediya, 1968. [in Rus.]
6. Kotyukova T.V. Vosstanie 1916 goda: shtrihi k istoricheskomu portretu [Uprising of 1916: touches to the historical portrait]// Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumental'nye svidetel'stva

obshchej tragedii. Sbornik dokumentov i materialov. Moskva: Mardzhani, 2016. – S. 24-105. [in Rus.]

7. Kabirov M. Ocherki istorii ujugurov Sovetskogo Kazahstana [Essays on the history of the Uighurs of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1975. [in Rus.]

8. Ruziev M. Vozrozhdenyj ujugurskij narod [Revived Uyghur people]. Alma-Ata: Kazakhstan, 1976. [in Rus.]

9. Brophy D. Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Cambridge MA – London: Harvard University Press, 2016.

Камалов А.К.

«Тұран» университеті, Алматы, Қазақстан

E-mail:abletk@mail.ru

ҰЙҒЫР ХАЛЫҚ ӘНДЕРІ ҚОШАҚ ЖЕТІСУ ҰЙҒЫРЛАРЫНЫҢ 1916 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІСКЕ ҚАТЫСУЫ ТУРАЛЫ

Аңдатпа. Бұл мақала Жетісудан шыққан ұйғырлардың 1916 жылғы көтеріліске қатысуын көрсететін "Қошақ" жанрындағы ұйғыр халық әндерін олардың тарихи жады мен ұлттық бірегейлікті қалыптастырудағы рөлін анықтау мақсатында зерттеуге бағытталған. Зерттеу барысында 1916 жылғы көтеріліс оқиғаларына байланысты ұйғыр халық әндерінің мәтіндерін жинау және талдау жүргізіледі. Бұл әндерді түсіндіруге, негізгі мотивтер мен бейнелерді анықтауға және олардың мәдени-тарихи контекстегі рөлін талдауға ерекше назар аударылады. Бұл зерттеу 1916 жылғы көтеріліс контекстінде халық әндерін қолданудың аз зерттелген аспектісіне және олардың ұйғыр халқының ұжымдық жадын қалыптастыру үшін маңыздылығына сілтеме жасай отырып, ұйғыр мәдениеті мен тарихын зерттеуге жаңа үлес қосады. Зерттеу этнография, әдебиеттану және тарихи аналитика әдістерін қолдана отырып, халық әндерінің мәтіндерін талдау әдістеріне негізделген. Кезеңнің әлеуметтік-мәдени және тарихи ерекшеліктерін ескере отырып, мәтіндерді түсіндіруге контекстік тәсіл де қолданылады. Зерттеу нәтижелері Жетісу ұйғырларының 1916 жылғы көтеріліске қатысуымен байланысты ұйғыр халық әндерінің негізгі тақырыптары мен мотивтерін анықтауға, сондай-ақ олардың ұйғыр халқының ұжымдық тарихи жады мен ұлттық бірегейлігін қалыптастыруға әсерін бағалауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: әндер, Қошақ, Жетісу, 1916 жылғы көтеріліс, ұйғырлар.

Kamalov A.K.

«Turan» University, Almaty, Kazakhstan

E-mail:abletk@mail.ru

UYGUR FOLK SONGS KOSHAK ABOUT THE PARTICIPATION OF THE UYGURS OF SEMIRECHYE IN THE UPRISING OF 1916

Abstract. This article is aimed at studying Uyghur folk songs of the “Koshak” genre, reflecting the participation of Uyghurs from Semirechye in the 1916 uprising, in order to identify their role in the formation of historical memory and national identity. As part of the study, the texts of Uyghur folk songs related to the events of the 1916 uprising are collected and analyzed. Particular attention is paid to the interpretation of these songs, identifying the main motifs and images, as well as analyzing their role in the cultural and historical context. This study makes a new contribution to the study of Uyghur culture and history by addressing the under-researched aspect of the use of folk songs in the context of the 1916 uprising and their significance in shaping the

collective memory of the Uyghur people. The research is based on methods of analyzing the texts of folk songs using the methods of ethnography, literary criticism and historical analytics. A contextual approach to the interpretation of texts is also applied, taking into account the sociocultural and historical characteristics of the period. The results of the study make it possible to identify the main themes and motives of the Uyghur folk songs “Koshak” associated with the participation of the Uyghurs of Semirechye in the uprising of 1916, as well as to assess their influence on the formation of the collective historical memory and national identity of the Uyghur people.

Key words: songs, Koshak, Semirechye, uprising of 1916, Uighurs.

Сведения об авторе:

Камалов Аблет Каюмович, доктор исторических наук, профессор Университета «Туран», Алматы, Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Камалов Аблет Каюмұлы, тарих ғылымдарының докторы, «Тұран» университетінің профессоры, Алматы, Қазақстан.

Information about author:

Kamalov Ablet Kayumovich, Doctor of Historical Sciences, Professor at the University of «Turan», Almaty, Kazakhstan.